

Я складываю колонки ночами. Днем я их только записываю. Когда-то у меня на это дело уходил час, в худшем случае — полтора. Но теперь умнее-я не сделался — а писать становится все затруднительнее. Видимо, я утратил то, что называют легким дыханием. Но прелесть этого свойства мало-помалу рискует выродиться в легкомыслие, потом — во многогоголение, в котором же "несть спасения", а дальше и просто-напросто в халтуру. На каждого из нас давит вся невесомая (на первый взгляд) атмосфера, земное притяжение и ответственность включается, и ты уже не легок. Кто тут хотел быть птицей? В

что платят нам деньги — мы будем делать вид, что работаем". На этом, в сущности, провалилась и мировая революция, и мировое господство. У каждого свой путь к нашему общему счастью.

У нас, если кто и победит, то наша самостоятельность, самостийность, умело прикидывающаяся провинциальностью.

У меня есть сосед по лестничной площадке — Коля. Он гуляет с собачкой Рипой. С женой они расстались. У многих ли одиноких мужчин есть собачки? Колю она веселит. Коля ее очень любит и, по-видимому, пользуется взаимностью. Рипа перед ним танцует.

Что греха таить, Коля не всю жизнь бывает сухой, как стекло. Но он деликатен. И когда меня обругали в какой-то газете, он меня встречал со слезами: "Я им пасть порву!". (По-видимому, это вторичная киногеничная брутальность: он бы сам стеснялся такое произнести, но в какой-то комедии он подцепил это выражение.)

И тут одна женщина из нашего подъезда вдруг говорит мне (я гуляю с собачкой Катей и так постепенно знакомлюсь с нашим домом):

— А ты знаешь, ваш Коля умел!

А он, надо сказать, давно уже отсутствовал.

Моя жена Коля. - 1996. - 2 марта. - с. 7.

О МОИХ ЗНАКОМЫХ

сущности мы — рыба. Глубоководная. Ползающая по дну. Некоторые из нас летучи. Эти служат самой легкой добычей — и для чевек, и для рыбы помястнее. Жизнь — момент. Жизнь — холст. Силь — вверху, силь — внизу. И все. "Жизнь — место, где жить нельзя — еврейский квартал", — как сказала великая русская Марина Ивановна Цветаева.

Пишу мало. Ошибаюсь часто. На ошибках учатся? Только не я. Ведь я же как-никак, русскоязычный. Не владею никаким другим, кроме школьного немецкого и cinema English und коммунистичен, und беспартийнен расстрелирт и "ю-о-кей?" "all right?". Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Иными словами — послужить примером того, как лучше бы не поступать.

Бросьте над нами посмеиваться. А то — видит там Кто-то — мы рассердимся — и оставим вас без всякого примера. Мы, русскоговорящие, — как писал один наш отечественный философ (по-моему, Бердяев), впрочем, как показывает опыт, на меня в этом смысле полагаться не стоит (я пишу не историю русской общественной мысли — а разговоры разговариваю, прошу на меня не ссылаться), — жиды третьего тысячелетия. Избранный богом народ. Только второй по ходу истории. Первый был Израиль Амалектани и филистимляне завладели тамошней страной. Не в земле счастье. У нас земли много. А как мы с ней обращаемся? Воля у нас спорит с разумом, побеждает инстинкты. Это — наш способ справляться с трудностью. Не самый, кстати, худший. Теориелюбивых германцев серая узкая мысль довела до красно-коричневого цвета.

У нас тут фашизм не пройдет. Дуче на пришедших ему Апеннинах, говорят, упорядочил движение поездов, чтобы они не препятствовали его вдохновению. У нас победят железнодорожники, отстаивая свое право работать — и не работать. У нас империя уже была. Мы тогда сказали: "Пока они (власть предрержание) будут делать вид,

По слухам, где-то в деревне. Моя жена расстроилась. Я рассердился на себя: как-то я пришел не в настроении! и, боюсь, был с ним груб.

И вдруг, на день 23 февраля, он появляется! И — с танцующей Рипой! Мне нельзя ни в коем случае. Но — с ним мы выпили.

Какой-то гость уговаривал нас с ним отправиться в музей Коломенское в воскресенье: там должны были быть бесплатные масленичные блины. Но Коля раскраснелся:

— Это наверняка Жириновский! Фашист! Я на его блины...

Еле мы его успокоили. Не хочешь — никто тебя не обявывает. Пока. Коля работает (или работал) на Люблинском литейном. Кто хочет — пусть ставит на Жириновского, Зюганова и иже с ним. Я ставлю на Николая и Рипу.

В нашем существовании всегда находится место для оптимизма. Пусть хоть и наивного. Если ты не порадуешься, особенно даром, зря, бесплатно, — ты рискуешь прожить безрадостно свою, какую-никакую, но все-таки одну-единственную жизнь.

23 февраля я позвонил в Марьинский муниципалитет. Я хотел быть вежливым. Передать поздравление, а заодно намекнуть, что наше богослаемое сельцо Марьино кое в чем нуждается. Особенно в том, чтобы до нас наконец доташили ветку метростроители. На многое я не рассчитывал. Но сверх ожидания наткнулся на общительного и вежливого человека. В.Я.Февролин говорил. И говорил убедительно (может быть, потому что я желал ему верить), что метро "Марьино" будет введено в строй (на 90%, уточнил В.Я.) — уже в этом, 1996 году от Рождества Христова. За что купил — за то и продаю.

Но как бы мне добраться до вещей поглавнее? Все это выглядит как "слова, слова, слова",

причем не из Гамлета, а из старенького романа: "Ах оставьте, ах оставьте, ваша песня не нова", который так весело и кокетливо исполняла покойная Кира Смирнова.

Но без лишних или не лишних слов — как же обойдешься? Не поминайте всеу имя Единого и Неименуемого. Но он-то как же творил мир, если не словом? Слово было Бог.

А насчет лишнего говорили многие. Я человек, я не жвачное. Лишнее мне просто необходимо, чтобы чувствовать себя свободным, а не рабом. Неправда, что Правда — Бог свободного человека, человек имеет право и на фантазию. И на то, чтобы создавать мысленные конструкции вселенной, не имеющие аналогов в природе. Но разве без них ее постигнешь нашим маленьким, узеньким рассудком?

Я сейчас буду цитировать человека, написавшего мне за все последнее время лучшее письмо.

Восхищаясь стихами Заходера, он сомневался, что тот еще здравствует. Мне доводилось звонить Борису Владимировичу по одному случаю. Я знал, что он довольно резкий в суждениях о литературе — в общении гостеприимен (это

меня так успокаивал Валентин Берестов).

Поэтому, заручившись согласием хозяина нас принять и, разузнав, как доехать, — мы с Вячеславом Кищенко так и поехали.

У него была свежеекупленная с рук "Лада". Я знал адрес (хотя, как показала дорога, знал плохо). "Ладушка" его была неказиста, но мотор тянул, как зверь. Ничего, ничего, подбадривал он меня. Или себя? Кто знает. Он собирался машине придать респектабельную внешность (с помощью сына), тоже заядлого автомобилиста. И утверждал, что это будет не машина — песня.

На съезде к "Лесным полянам" он вспомнил, что забыл (вспомнил, что забыл — оригинальное выражение, вы не находите?) купить семейству загородных изгнанников чего-нибудь съестного. По счастью, недалеко оказался какой-то сельский рынок. Вячеслав приободрился.

— Все в порядке. Наши победы, — произнес он бодро и со вздохом добавил: — Хотя и не сразу.

Он сам считает это выражение квинтэссенцией соцреализма. Где еще до чтения должно быть ясно: раз книга опубликована, то она такая.

Я с ним не согласен. А Голливуд — что, придумал чего-то отдельного?

И вообще, все существование человечества (настолько можно судить изнутри), движется именно по этой кратчайшей формуле.

Тираны терпят одну победу за другой. Быдло ("стада", по выражению нашего первого национального поэта), раз за разом выдвигает из своей среды не только Разных и Стальных, но и Ломоносовых. Так что надо что-нибудь делать, не придавая большего значения болтовне политических проходимцев и прохиндеев (З., Ж., и т. п.), чем она того стоит.

Все будет в порядке. Наши победы.

Пауза.

Вздох.

Хотя и не сразу.